

rechtlich-volkskundlichen Brauchtumsforschung / Schriften zur Volksforschung. Hrsg. von Gerhard Heilfurth, Kurt Ranke, Matthias Zender. Bd. 2. Berlin, 1967.

Geschichte und Kultur 1989 — Geschichte und Kultur der Deutschen in Russland / UdSSR. Auf den Spuren einer Minderheit. Ausstellungskatalog. Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V. Bearbeitet von der Ute Richter-Eberl. Stuttgart, 1989.

Habenicht 1981 — *Habenicht Gottfried*. Die wolgadeutsche Hochzeit. Dargestellt am Beispiel der Gemeinde Rothammel // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. Bd. 24. Marburg, 1981. S. 144—193.

Horak 1985 — *Horak Karl*. Tanz als Weesensteil des Brauchtums // Lied, Tanz und Musik im Brauchtum. 9—12 September 1982. Münster, 1985. S. 86—103.

Lücking 1959 — *Lücking Wolf*. Trachtenleben in Deutschland. Bd. III: Hessen. Berlin, 1959.

Martin 1983 — *Martin Lothar*. Brauchtum bei der Heirat: Verlobung // Atlas der deutschen Volkskunde. Neu Folge. Auf Grund der von 1929 bis 1935 durchgeführten Sammlungen im Auftrage der Deutschen Forschungsgemeinschaft. In Zusammenarbeit mit H. L. Cox, Gerda Grober-Glück und Günter Wiegelmann, hrsg. von Matthias Zender. Erläuterungen. Bd. III. Marburg, 1983. S. 61—104.

Schirmunski 1930 — *Schirmunski Victor*. Volkskundliche Forschungen un den deutschen Siedlungen der Sowjetunion // Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten. Berlin/Leipzig, 1930. S. 52—81.

Schünemann 1923 — *Schünemann Georg*. Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. Mit 434 in deutschen Kriegsgefangenenlagern gesammelyen Liedern. 1—2 Teil / Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft. Hrsg. von Carl Stumpf und E. M. Hornbostel. Dritter Band. München, 1923.

Seib 1968 — *Seib E.* Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // Heimatbuch der Deutsche aus Russland 1967/1968. Stuttgart. S. 145—209.

Сокращения

АА 1994 — материалы из личного архива автора, записанные в 1994 году в немецких селах Саратовской области.

АА 1992—2006 — материалы из личного архива автора, записанные в 1992—2006 годах в немецких селах Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей, Сибири, Урала, Оренбуржья.

Немецкий архив — Немецкий архив. Филиал Государственного архива Саратовской области (г. Энгельс). Фонд 1348, оп. 2, д. 111.

Б. Н. ПРОЦЕНКО
(Ростов-на-Дону)

<ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ЭТАП В СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ДОНА> ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОЛЬКЛОРНЫМИ ТЕКСТАМИ СОВРЕМЕННОГО ОБРЯДА

В Государственном архиве Ростовской области хранится безымянная рукопись конца XIX века «Свадебные обряды станицы Нижнекундрюченской [ГАРО], а более чем полувеком раньше в альманахе «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год, изданная А. Корниловичем» была опубликована статья донского историка и краеведа В. Д. Сухорукова «Свадебные обряды» [Сухоруков 1824]. В обоих источниках немалое место отведено свадебному фольклору, что позволяет провести наблюдения над динамикой бытования обрядовой песни на протяжении почти двух веков: В. Д. Сухоруков описывает богатую старочеркасскую свадьбу, территориально принадлежащую к тому же ареалу, к которому относится и станица Нижнекундрюченская, т. е. к Нижнему Дону (исторически — к Черкасскому и Первому Донскому округам Области Войска Донского).

В 1999 году автор настоящей статьи в станице Нижнекундрюченской (ныне Усть-Донецкий район Ростовской области) с помощью местных казачек Александры Николаевны Ореховой, 1925 г. р., Таисии Тимофеевны Голиковой, 1929 г. р., Валентины Петровны Костиной, 1937 г. р. и Любви Герасимовны Кулешовой, 1952 г. р. провел сравнительный анализ свадебного репертуара современного обряда и обряда конца XIX века. Поскольку все собеседницы — непрменные участницы местных свадеб, на которые их приглашают в качестве знающих обряд певуний, а также потому что все они опирались на

собственный опыт и на рассказы матерей и бабушек, достигнутый результат представляется достаточно объективным.

Ввиду незаконченности архивной рукописи (описание свадьбы в ней обрывается эпизодом проводов храброго поезда в церковь на венчание [ГАРО, л. 15об.] ограничимся лишь предсвадебьем, которое включало в конце XIX века такие элементы, как *сватовство*, *сговор* (*рукобитье*), *пропой* (*запой*), *вечеринки*, «*подушки*», *девичник* (внутри каждого из этих эпизодов есть свои составляющие, но о них мы скажем ниже). В традиционный песенный репертуар этих этапов обряда в XIX веке входило 17 песенных текстов свадебной тематики (многочисленные речевые формулы, сопровождавшие каждый эпизод предсвадебья и сохранявшие все признаки устойчивых выражений, мы оставляем для будущего анализа).

В станице Нижнекудрюченской песни начинали играть с эпизода *сговора* (*рукобитья*), т. е. с *помолвки*. Сватовство у казаков изначально представлялось делом частным, в каком-то смысле интимным, имеющим интерес лишь для двух семей, одна из которых (женихова) выразила желание породниться с другой (невестиной). Песни здесь неуместны, так как стороны на сватовстве лишь знакомятся друг с другом, проводят «смотр» жениха и невесты и заключают своеобразный «договор о намерениях сторон», причем возможен и отказ со стороны невестиной семьи. Сватовство лишь устанавливает для молодых людей статус жениха и невесты, и не более: главное событие предсвадебья еще впереди, а на сватовстве можно и помолчать. В этой связи явно ошибочным выглядит утверждение В. Броневского о том, что на сватовстве «вводят жениха, потом к нему приводят невесту («Смотр невесты»), во время которого подружки поют: «Ой, заюшка, заюшка, ой, заюшка, горностай молодой» [Броневский 1834, 202].

Сговор можно назвать основным событием предсвадебья, так как на нем решались самые важные практические, в том числе и экономические (имущественные — *кладка*, *приданое*;

денежные — так называемый *заклад*, *заряд*, т. е. сумма штрафа за срыв свадьбы одной из сторон) проблемы, что придавало обряду характер общественно значимого явления. Сговор (помолвка) состоит из двух частей: *рукобитья*, на котором стороны обговаривают все аспекты обряда, и *запой*, общего пира по этому поводу.

Рукобитье в станице Нижнекудрюченской начинали грустной песней «На горе чи дуб, чи береза» подружки невесты, нарядившие ее к сговору [ГАРО, л. 3об.]. Когда молодых ставили рядом, девицы и молодые замужние казачки, приглашенные на сговор, играли песню «Да у лебедя лебедушка под крылом...» [ГАРО, л. 4об.], а после поцелуя жениха и невесты — «Во садику во зеленом соловей калину щекочет». Затем следовало собственно рукобитье: «...Чтобы жених или невеста не отказались, родители жениха и невесты делают *заклад*: они кладут руки на стол и ценят жениха и невесту в известную сумму денег. И если случится, что жених или невеста откажется, то с отказавшегося лица взывается та сумма денег, которая была положена на сговоре. В то время, когда родители жениха и невесты делают *заклад*, девицы поют такую песню: “По рукам сваты вдарили, заряды положили”» [ГАРО, лл. 5—5об.].

В. Д. Сухоруков в описании рукобитья приводит иные фольклорные тексты: «Когда соединяли руки новой чете, женщины пели две песни: “Ой, заюшка, горностай молодой” и “Перепелушка, рябья перушки”; первую для жениха, вторую для невесты, повторяя оные во весь вечер» [Сухоруков 1824, 306—307]. В монографии «Русская свадьба» из всех названных выше текстов лишь «Перепелушка» находит сходные мотивы в песнях под номером 244. а) Пелепелка, пелепелушка / Уж любезные вы мои подруженьки, б) Пелепелушка все и Аннушка, записанных на Рязанщине в бассейне Унжи — Оки: «Девушки стояли под окном невесты и пели, чтобы растрогать ее, заставить поплакать. Полагалось, чтобы песня звучала множество раз с момента просватанья, а на предсвадебной неделе — изо дня в день. Услышав

песню, невеста начинала причитать» [Русская свадьба 2000, 368].

Вторая часть сговора-помолвки начиналась с песни, подводящей итог первой половины начального обряда свадьбы — «Пьяница-пропойница», последующий пир сопровождался песней «Да бел заюшка, молоденький горностаг» (ее упоминает и В. Д. Сухоруков), а в конце помолвки «молодые бабы из родных невесты сейчас же бегут по селу и поют <...> “Заюшку” и <...> “У нас ныне незнакомый побывал” [ГАРО, лл. боб.—7]. С этого момента обряд окончательно становится фактом общественной жизни казаков станицы — важнейшая черта донского свадебного обряда, уходящая своими корнями в XVI—XVII века, в «рыцарскую» эпоху истории донцов.

В XX веке наблюдается резкое сокращение числа обрядовых песен в описанных эпизодах, причинами чего можно считать и утрату экономических элементов свадьбы — кладки, заряда-заклада, и постепенное превращение свадьбы в семейный обряд без привлечения к нему внимания всей общины. Наблюдается сведение разных элементов в один эпизод — сватовство, на котором и сводят жениха и невесту, и пропивают последнюю, и договариваются о сроках свадьбы и необходимых расходах на нее.

В современной свадьбе станицы Нижнекундрюченской, сохраняющей деление начальной стадии обряда на сватовство и запой-помолвку, из 7 песен конца XIX века осталась лишь одна — «Пьяница-пропойница», адресованная матери (в более ранней традиции — отцу) невесты, и исполняемая жениховой родней.

Пьяница-пропойница

Прапила сваю щаду

За винную щару —

За умную щаду.

Своеобразным восполнением былого репертуара оказывается ответ матери невесты, возможно, перенесенный сюда из фольклорной части свадебного пира:

Сваты майи, сватощки,

Сазанныи гастёщки,

А я с вами сайдуся,

Гарелащки напьюся,

Гарелащки-водащки

Па самый глатащки.

В некоторых случаях появляется еще одна новая песня, которую исполняет жених, отправляющийся к невесте на запой:

Праехал я тры горада, тры сила

И заехал у Кундрюцкии хутара.

Наехал я на девичий паталок,

Пирьбрал я усех деващик да адной,

И выбрал сабе пару

И деващку у па нраву

(называет имя).

Здесь прослеживается традиционный для Дона мотив жениха-охотника, отправляющегося на добычу девицы-куницы. В известной степени этой песней население извещается о том, что сватовство закончилось благополучно, без отказа и что началось движение обряда к закономерному концу.

Некоторые песни рукобитья-пропоя, вышедшие из активного употребления, сохраняются в пассивной памяти. Так, одна из исполнительниц припомнила, что песню «Да у лебедя лебедушка под крылом» когда-то исполняли в хуторе Хрящи, входившем в юрт станицы Нижнекундрюченской, а все вместе они с трудом припомнили слова песни «У нас ныне незнакомый побывал»:

У нас ныни низнакомый пабывал,

Да, люли, ой, да лолёшыньки, пабывал.

У терими усе падушыщки пиримял.

Да, люли, ой, да лолёшыньки, пиримял.

Да у саду махорищки абарвал,

Да, люли, ой, да лолёшыньки, абарвал.

Да у столика ножыщки пирьламал.

Да, люли, ой, да лолёшыньки,

пирьламал.

В следующем за сговором периоде времени начинаются *вечеринки*, так или иначе связанные с приготовлениями к свадьбе. Невеста в это время готовит подарки жениху: вяжет шарф, варежки, вышивает кисет и т. п., а жених навещает суженую с подарками: конфетами, пряниками, жареными семечками, орехами и т. п. Песенный репертуар этих вечеринок не имеет обрядовой строгости, о чем свидетельствует анализируемый материал. В XIX веке в станице

на вечеринках много плясали под гармонию, а из многочисленных песен предпочитали «На дворе-то мороз», «Ой, горинка, горинка новая» и «Гулюшка, голубочек» [ГАРО, лл. 7—8об.]. В. Д. Сухоруков о песнях на вечеринках не упоминает вообще, зато перечисляет игры: «...жмурки, четки, короли, кончики и проч.» [Сухоруков 1824, 317]. В XX веке об этих песнях забыли, а популярность приобрели «Озёры глубокие» и «Офицерик молодой», правда, информаторы уверенно заявили, что «Гулюшку, голубочка» когда-то пели, но не на предсвадебных вечеринках. «Озёры...» имеют все признаки обрядовой песни:

*Азёры-азирьы, да, азёры-азирьы, да.
Азёры шырокии, азёры глубокий, да.
Разлівы-разливы, да, разлівы-разливы,
да.
Разливы шырокии, разливы шырокии.
Как на етам на разливам, как на етам
на разливам
Два либидя плавають, два либидя
плавають.
Либёдак-либидок, да, либедак-либидок,
Либидок наш Ваничка, либидок наш
Ваничка.
А в ниво либёдушка, да, а в ниво
либёдушка,
Либёдушка Надичка, либёдушка
Надичка.
Йим люди- йим людй, да, йим люди-йим
людй,
Йим люди дивуюца, йим люди
дивуюца.
Што харош та пригож, што харош та
пригож
Ани нарядилися, ани нарядилися.
Лучшы фсех — лучшы фсех,
лучшы фсех-лучшы фсех.
Ани снарядилися, ани снарядилися.*

Мотив лебедя и лебедушки, характерный для восточнославянской свадьбы, еще в XIX веке обозначаемый сразу, на сговоре, со временем переместился в другой этап предсвадебья и обрел соседство с мотивом добра молодца, война, что вполне естественно для казачества, считавшегося привилегированным военным сословием старой России:

*Ахвицерик, маладой, черна шляпица
на нём,
Ой-ли, ой-люли, черна шляпица на нём.*

*Черна шляпица на нём, сам малодинький
такой.
Ой-ли, ой-люли, сам малодинький
такой.
Сам малодинький смиёца — апалеты
гаварять.
Ой-ли, ой-люли, апалеты гаварять.
Апалеты гаварять, вилять шляпу
припаднять.
Ой-ли, ой-люли, вилять шляпу
припаднять.
Вилять шляпу припаднять, кисет (?)
барышням аддать.
Ой-ли, ой-люли, кисет (?)
барышням аддать...*

«Подушки», т. е. перевоз/перенос приданого в дом жениха накануне свадебного дня, — один из самых бурных и раскованных по поведению участников элементов предсвадебья. Дружеская перепалка «подушечников», эротические игры с постелью новобрачных, соленые шуточки, обильные возлияния — все это уравнивается строгой последовательностью обрядовых песен: при выходе из ворот невестиного дома в Нижнекундрюченской станице в XIX веке пели «Месяц дорожку просветил», при вносе приданого в дом жениха — «Не шушкайте, не гугукайте на него», а покидая этот дом — «А мы в свата были» [ГАРО, лл. 9—9об.].

Традиция фривольного поведения участников подушечного обряда уходит, видимо, в ту пору, когда на Дону стали укрепляться семейно-брачные отношения и казачка из наложницы превращалась в хозяйку, хранительницу домашнего очага. Песня была внесена в этот элемент предсвадебья позже, во всяком случае, В. Д. Сухоруков не приводит ни одного песенного названия в весьма просторном и крайне интересном описании «подушек» в Черкасском округе первой четверти XIX века. Как видно из этого описания, обряд проходил в доме богатой невесты, причем в ходу был татарский язык, игравший в донской столице того времени такую же роль, какую играл французский в пушкинскую пору. Центральным моментом обряда здесь становилось «общение» с постелью-приданым: «Жених с невестой садились первые; тут швеи подносили жениху стакан меду, кото-

рый он выпивал в несколько приемов, за каждым целую свою возлюбленную и приговаривая: “мед горек, надобно подсластить”. Осушив бокал, он клал чиберкам деньги на поднос. Потом садилась вся молодежь, один после другого; каждый просил себе в соседки из присутствовавших девиц ту, которая ему нравилась, так же пил мед, целовал красавицу сколько хотел и платил подносчикам деньги. Отпустив от себя выбранную, мог он просить садиться другую, третью и так далее. За всяким разом, когда мужчина оканчивал бокал, подносищи бросали в сидящую пару подушки, приговаривая: “*раса сага басын*”¹ [Сухоруков 1824, 318—319]. В таком проведении «подушечного» обряда видятся черты уксорилокальной свадьбы, испытывающей к тому же влияние восточной традиции с относительной свободой невесты до свадьбы.

В. Броневский, напротив, обратил внимание на песенное сопровождение «подушечного» обряда: «Дома поют: “Сестрицы, подружки, несите подушки, берите перины сестры Катерины”, по дороге: “Месяц дорожку просветил, Братец сестрицу проводил, будь здорова как вода, а богата как земля”, по приезде в дом жениха: “Ты отвори, матушка, ворота. А вот тебе невестка молода”» [Броневский 1834, 205]. Как видно, одна из песен держится в донском свадебном обряде и до конца XX века.

Она же вместе с «А мы в свата были» сохраняется и поныне, поскольку и сейчас «подушечный» обряд в станицах и хуторах совершается с прежним размахом и удалством. Текст «Месяца» сохранился полностью, лишь «вода» и «земля» поменялись местами, а песня «А мы в свата» встроена в конечный эпизод «подушек». Первой ее частью «подушечники» вызывают жениха, когда за накрытым для них столом уже выпито по две рюмки.

*А мы у свата бывали, бывали,
За сталом мы сидяли, сидяли,
Хлеба-соли едали, едали,
А вадичку ни дали, ни дали.*

Третью рюмку в ответ на песенный призыв преподносит гостям жених. В знак благодарности «подушечники» славят жениха:

*Наш Ванищка кудриват, кудриват,
Он кудрями патрисёт, патрисёт
Па рюмащки паднисёт, паднисёт.
Па рюмащки выпили, выпили,
Па фтарой мы прасили, прасили,
Па фтарой мы выпили, выпили,
А на третий ни падпили,
ни падпили.*

Шуточная оценка приема продолжается и за стенами дома, покинув который современные песенницы «частят»:

*А в нашыва свата,
А в нашыва свата,
Сасновая хата,
А двери из липы —
Вышли фсе напитки,*

— если они довольны приемом и угощением. Если же гости недовольны, они тут же меняют концовку:

*А двери из берёзы —
Вышли фсе твирёзы.*

И уже вся станица знает, что приняли плохо. Старина здесь берет свое даже на рубеже XX и XXI веков! Любопытно, что негативная оценка приема, сделанная в песне публично, тут же вызывает реакцию жениховой стороны: за «подушечниками» устремляется дружка и умоляет их вернуться, чтобы продолжить пир.

Девичник, пожалуй, самый грустный обряд предсвадебья, что отражают и фольклорные тексты: в XIX веке в Нижнекундрюченской сначала надо было спеть «Дуброву зелёную» для невесты с живыми родителями или «Дуброву, дубровушку» для сироты, а затем играли иные песни, среди которых автор рукописи выделил две: «Вечер, вечер, вечеришнички» и «Свет моя воля девичья» [ГАРО, лл. 10—12]. И не случайно, так как «Вечер» и донныне звучит на девичниках, если таковые случаются:

*Вечир, вечир, вицяршишнички.
У Надищки на дявишнички,
У Надищки на дявишнички
Сабиралися падрушки иё,
Сабиралися да любимый иё,*

¹ По-татарски: и вам того желаем

*Сы каторыми вадилася ана,
Сы каторыми вадилася ана.
Вадилася, ни бранилася,
Вадилася, ни бранилася.
Светлым платыйим падилялася,
Светлым платыйим падилялася.
Как ы первая падрушка иё (имя),
Как ы первая любимая иё,
Сы катораю вадилася ана,
Сы катораю вадилася ана,
Вадилася, ни бранилася,
Вадилася, ни бранилася,
Светлым платыйим падилялася...*

Затем в песне перечисляются все остальные подружки и характеризуются их отношения с невестой.

Что касается других песен, то обе «Дубровы» на девичниках уже не поют, а среднее поколение даже не знает текста. Тем не менее «сиротскую» песню знают, ее текст был записан в 2000 году в хуторе Каменный Бродок Константиновского района В. Ю. Матюшкиным — хутор находится в нескольких километрах от станицы Нижнекундрюченской по другую сторону р. Северский Донец:

*Дубрава, дуброва, дуброва зиленая,
Нету ни ядинава атростацка,
Нету ни аднаво зилёнава.
Харошая наша Надицка, да,
Родни в тибя многа,
Однава да и ни аднава.
Нету роднава, да, батиньки.
Иде же твой радимай?
У Христах и на нибёсах.
Он Богу молица
Да на землю просица:
«Да пусти ты мини, Божы,
Да с нибес да на землю
Сваю щаду паглядети.
Хараша ли мая щадушка,
Харашо ли убирёная,
На пасади пасажоная?»
Убирёна как макавина,
Пасажёна как сиротина.
Убирёна па-гаспоцки,
Пасажёна па-сироцки.*

Песня же «Свет моя воля девичья» в станице перенесена с девичника на так называемое «оголашивание», которое происходит рано утром в день свадьбы. Кстати, в некоторых станицах и хуто-

рах «Дуброву, дубровушку» поют в день свадьбы, когда невеста-сирота отправляется на кладбище за родительским благословением.

Сам же девичник в современном обряде получает неожиданное завершение. Раздав подругам «каравайчики», которые ей передал жених, невеста выпроваживает всех с помощью «новодела»:

*Падрушки, падрушки,
Вы типерь мне ни друшки.
И есть у мене друшка —
Ванина правая руцка.*

Наблюдения над фольклорными текстами предсвадебья, таким образом, обнаруживают и утраты, и приобретения, и верность традиции. Судьба фольклорной обрядовой песни напрямую зависит от изменений во внешнем мире, в жизни носителей традиционной культуры, от изменений в структуре самого обряда, валентности ее частей. Прагматизм современного общества губителен для обряда и сопровождающих его фольклорных текстов, но вместе с тем сила традиций такова, что о «пациенте» можно сказать, что он скорее жив, чем мертв. Редукция предсвадебья с лихвой окупается разнообразием элементов и фольклорных и языковых текстов собственно свадебного дня, о чем речь впереди².

Литература

Сухоруков 1824 — Сухоруков В. Д. Свадебные обряды // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год, изданная А. Корниловичем. СПб., 1824.

Броневский 1834 — Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. III.

Русская свадьба 2000 — Русская свадьба / сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов: в 2-х тт. М., 2000. Т.1.

Сокращения

ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 43.

² К сожалению, автор статьи не смог продолжить свои исследования, так как умер 7 января 2003 года.